

**Владислав Владимирович
РАДОВ,**

руководитель
уголовной практики
Key Consulting Group,
кандидат юридических наук
v.radov@kcgggroup.ru
123290, Россия, г. Москва,
Филипповский пер., д. 8,
стр. 1

Наказуемость преступлений в сфере информационных технологий

Аннотация. Статья посвящена проблеме справедливого, адекватного правоограничения лиц, совершивших уголовно-запрещенные деяния с использованием информационных технологий. Автор рассматривает криминологическую картину места и объема таких преступлений в структуре преступности, динамику и наиболее ярко выраженные случаи их совершения, каковыми признаются компьютерные и компьютеризированные преступления в классификации Е. А. Русскевича. Основываясь на обобщении массива судебной практики, автор показывает, что последняя группа преступлений фактически сводится к краже, мошенничеству и наркосбыту, на что государство реагирует нетаргетированными правоограничениями, в том числе условным лишением свободы, ограничением свободы и штрафом. Указывая на выстраивание тонкой настройки уголовно-правовой реакции, автор показывает возможные пути обеспечения связи между характером информационного преступления и соразмерной карой за его совершение. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего переосмысления уголовных наказаний лицам, совершившим преступления в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: наказание, правоограничение, наказуемость, компьютерные преступления, уголовное право, эффективность наказания, ограничение свободы, меры пресечения, лишение права заниматься определенной деятельностью

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.128-136

Vladislav V. RADOV,

Head of Criminal Practice at Key Consulting Group,
Cand. Sci. (Law)

v.radov@kcgggroup.ru

8/1, per. Filippovsky, Moscow, Russia, 123290

Punishability of Crimes in the Field of Information Technology

Abstract. The article is devoted to the problem of fair, adequate legal restrictions for persons who have committed criminally prohibited acts using information technology. The author examines the criminological picture of the place and volume of such crimes in the structure of crime, the dynamics and the most pronounced cases of their commission, which are recognized as computer and computerized crimes in the classification of E.A. Russkevich. Based on the generalization of an array of judicial practice, the author shows

that the latter group of crimes actually comes down to theft, fraud and drug trafficking, to which the state responds with non-targeted legal restrictions, including conditional imprisonment, restriction of freedom and a fine. Pointing to the development of a fine-tuning of the criminal-legal response, the author shows possible ways to ensure the connection between the nature of an information crime and a proportionate punishment for its commission. The results of the work can be used to further rethink criminal penalties for persons who have committed crimes in the field of information technology.

Keywords: *punishment, restriction of rights, punishability, computer crimes, criminal law, effectiveness of punishment, restriction of freedom, preventive measures, deprivation of the right to engage in certain activities*

Вопросы наказуемости незаслуженно остаются в тени, хотя именно их решение позволяет выкристаллизовать социальное значение уголовного права, а также обеспечить права человека в контексте назначения уголовного судопроизводства. Видится любопытным поставить проблематику следующим образом: должна ли быть связь между особенностями преступления в сфере информационных технологий и наказанием, назначаемым лицу, его совершившему. К названным деяниям логично относить, с одной стороны, преступления в сфере компьютерной информации, с другой стороны, всяческие деяния, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет¹.

Обратимся к картине преступности. Ежегодно регистрируется все больше преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Их динамика по годам ретроспективно следующая: в 2024 г. — рост на 13,1 %, в 2023 г. — на 29,7 %, в 2022 г. — на 0,8 %, в 2021 г. — на 1,4 %, в 2020 г. — на 73,4 %, в 2019 г. — на 68,5 %. В реальном выражении это выглядит так: в 2019 г. зарегистрировано 294 409 таких деяний, а в 2024 г. — 765 365². Рассматриваемые деяния составляют 40 % от всего массива преступности, и это без учета латентности.

Важно подчеркнуть, что в общей структуре преступности на первый план выходят две формы хищения — кража (26,1 %) и мошенничество (23,3 %), тогда как в сфере информационных технологий за 2024 г. кража составила 14 %, а мошенничество — 50 % от всех преступлений. Значительную долю составляют деяния, запрещенные ст. 228¹ УК РФ (12 %), компьютерные преступления — по гл. 28 (14 %). Иными словами, 90 % всех преступлений, осложненных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

² Состояние преступности // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 02.04.2025).

информационными технологиями, представлены четырьмя деяниями, в том числе по ст. 158, 159, 228¹, 272 УК РФ.

Наказуемость компьютерных преступлений. В 2023 г. по преступлениям, предусмотренным гл. 28 УК РФ, осуждено 333 лица, из которых 13 приговорены к лишению свободы, 123 — к условному лишению свободы, 75 — к ограничению свободы, 97 — к штрафу, 12 — к исправительным работам. В качестве дополнительного наказания 67 лицам назначено лишение права занимать должности или заниматься определенной деятельностью.

Обобщение правоприменительной практики показывает, что дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенную деятельность назначается за компьютерные преступления именно в тех случаях, когда осуждение осуществляется по ч. 3 ст. 272 УК РФ, т.е. по признаку «с использованием служебного положения». Вариации запрета того или иного вида деятельности могут быть следующими (по мере распространенности в судебных текстах):

- лишение права заниматься деятельностью, связанной с доступом к охраняемой законом компьютерной информации³;
- лишение права заниматься деятельностью, связанной с обработкой, хранением и распоряжением охраняемой законом информацией⁴;
- лишение права заниматься деятельностью, связанной с доступом к информации об абонентах, о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами⁵;

³ Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 10.10.2024 по делу № 01-0562/2024 ; приговор Бутырского районного суда г. Москвы от 20.09.2024 по делу № 01-0813/2024 ; приговор Ленинского районного суда г. Орска (Оренбургская область) от 13.01.2025 по делу № 1-27/2025 ; приговор Октябрьского районного суда г. Пензы (Пензенская область) от 07.02.2025 по делу № 1-71/2025 ; приговор Советского районного суда г. Брянска (Брянская область) от 21.11.2024 по делу № 1-506/2024 ; приговор Ленинского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 31.01.2025 по делу № 1-143/2025 ; приговор Бийского городского суда (Алтайский край) от 26.08.2024 ; приговор Полярнозоринского районного суда (Мурманская область) от 30.01.2025 по делу № 1-3/2025 ; приговор Свердловского районного суда г. Перми (Пермский край) от 23.01.2025 по делу № 1-33/2025.

⁴ Приговор Туймазинского районного суда (Республика Башкортостан) от 21.01.2025 по делу № 1-14/2025 ; приговор Жигулевского городского суда (Самарская область) от 15.10.2024 по делу № 1-111/2024 ; приговор Магаданского городского суда (Магаданская область) от 24.09.2024 по делу № 1-430/2024 ; приговор Новотроицкого городского суда (Оренбургская область) от 29.08.2024 по делу № 1-290/2024 ; приговор Промышленного районного суда г. Курска (Курская область) от 20.12.2024 по делу № 1-354/2024 ; приговор Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) от 13.12.2024 по делу № 1-1315/2024 ; приговор Ленинского районного суда г. Владивостока (Приморский край) от 05.08.2024 по делу № 1-591/2024.

⁵ Приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) от 03.10.2024 по делу № 1-781/2024.

- лишение права заниматься деятельностью в сфере компьютерной информации, связанной с доступом к персональным данным граждан РФ⁶;
- лишение права заниматься деятельностью, связанной с обслуживанием абонентов операторов сотовой связи⁷;
- лишение права заниматься деятельностью, связанной с допуском к охраняемой законом государственной, служебной, коммерческой или иной тайной, а также с обработкой персональных данных⁸.

В отдельных случаях судьи подчеркивают, что обращаются к дополнительному наказанию именно в связи с тем, что преступление совершено с использованием служебного положения, уточняя, что «избранное наказание будет в большей мере способствовать исправлению»⁹, в других случаях — отталкиваются от наличия корыстного мотива¹⁰, в прочих — акцентируют внимание на способе совершения преступления¹¹. Между тем в большинстве случаев назначение дополнительного наказания (как и весь процесс назначения наказания) остается скрытым от глаз исследователя, что объясняется отсутствием правовой культуры вербального объяснения выбора основного и дополнительного наказания, их размера (срока).

Итак, в абсолютном большинстве случаев (89 %) лица, совершившие компьютерное преступление, наказываются ограничением права на передвижение посредством условного лишения свободы и ограничения свободы (60 % от всех осужденных по гл. 28 УК РФ) или штрафом (29 %). В то же время лишение права заниматься деятельностью, связанной с доступом (обработкой, хранением, передачей) компьютерной информации, применяется к 20 % от общего числа осужденных по гл. 28 УК РФ. То есть непосредственная уголовно-правовая реакция на виртуальную преступность остается «аналоговой», что в отдельных случаях обоснованно.

Таким образом, прослеживается связь между тем, что лицо совершает компьютерное преступление, и той карательной составляющей правовых последствий, наступающих для него: совершение преступления в отношении компьютерной информации наказывается лишением права заниматься деятельностью, связанной с доступом к ней или оперированием таковой.

⁶ Приговор Троицкого городского суда (Челябинская область) от 12.09.2024 по делу № 1-402/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары (Чувашская Республика — Чувашия) от 29.08.2024 по делу № 1-419/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приговор Городецкого городского суда (Нижегородская область) от 26.08.2024 по делу № 1-185/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., например: приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти (Самарская область) от 26.12.2024 по делу № 1-1047/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Приговор Советского районного суда г. Брянска (Брянская область) от 21.11.2024 по делу № 1-506/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Приговор Свердловского районного суда г. Перми (Пермский край) от 23.01.2025 по делу № 1-33/2025 [1-697/2024] // СПС «КонсультантПлюс».

Наказуемость компьютеризированных преступлений (в терминологии, введенной в научный оборот профессором Е. А. Русскевичем¹²). Нельзя не согласиться с тезисом о том, что «появление нового (информационного) способа совершения преступлений не свидетельствует априорно о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности»¹³. Представляется, что складывающаяся судебная практика назначения наказания на сегодняшний день являет собой самопроверяемость («критерий истины»), подтверждающую высказанную мысль. В данном случае речь идет о преступлениях, находящихся за пределами гл. 28 УК РФ, но совершаемых с использованием Интернета. К таковым, как видно из анализа судебной практики, относятся деяния, запрещенные ст. 158, 159 и 228¹ УК РФ. Уголовно-правовая реакция на лиц, их совершивших, концентрируется на следующих видах уголовного наказания: за мошенничество и кражи при отягчающих обстоятельствах — изоляция от общества (реальное лишение свободы), ограничение права на передвижение (условное лишение свободы) и имущественное взыскание (штраф). Дополнительное наказание в виде запрета заниматься определенной деятельностью не находит должного применения¹⁴.

Совершение указанных деяний, как показывает правоприменительная практика, не влечет ограничений, связанных с доступом лица к виртуальному пространству. В этой связи любопытно предложение Е. А. Русскевича о введении нового уголовного наказания в виде ограничения права на цифровое присутствие¹⁵. Вместе с тем представляется, что есть перспективы и расширения сферы действия имеющихся уголовных наказаний, в том числе ограничения свободы или лишения права заниматься определенной деятельностью. Говоря об этом, заметим, что сходным инструментом государственной реакции является известная, хотя и сравнительно новая, мера пресечения в виде запрета определенных действий по ст. 105.1 УПК РФ. Ее содержание включает в себя меры, которые объединяют правоограничения, предусмотренные указанными уголовными наказаниями: с одной стороны, запрет на передвижение (выходить за пределы жилого помещения; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них) как процессуальный аналог ограничения свободы, с другой стороны, запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством как процессуальный аналог лишения права заниматься деятельностью в этой сфере.

¹² Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 11.

¹³ Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий... С. 13.

¹⁴ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ (URL: [s://cdcr.ru/?id=79](https://cdcr.ru/?id=79) (дата обращения: 02.04.2025)).

¹⁵ Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий... С. 14.

В редких случаях суды формулируют в пределах своей дискреции подобные правоограничения именно посредством наиболее гибкого (в то же время имеющего недооцененный объем репрессивного воздействия¹⁶) наказания — лишения права заниматься определенной деятельностью. Так, лицо, осужденное за совершение деяния по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, приговорено к дополнительному наказанию в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и каналов с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет¹⁷.

Особенно ценным в рамках настоящего исследования является наличие в процессуальном законе таких особых ограничений, не коррелирующих с видами уголовных наказаний, как запрет общаться с определенными лицами; запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Приведенные запреты едва ли могут быть сформулированы в рамках лишения права заниматься определенной деятельностью, поскольку являются именно действиями, но не деятельностью. Представляется, что карательный и таргетированный потенциал таких правоограничений может найти воплощение посредством переосмысления содержательного характера наказания в виде ограничения свободы.

Заметим, что правовая реальность уже движется в этом направлении. Обратимся к постановлению Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П. Так, генеральным доводом потерпевшей по уголовному делу (ст. 119 УК РФ), обратившейся в орган конституционной юстиции, было указание на неправовое отличие запрета определенных действий (как меры пресечения) и ограничения свободы (как наказания) в той части, в которой суд не имеет оснований возложить на осужденного запрет по нахождению в определенных местах, например, ближе установленного расстояния до конкретных объектов (места жительства, работы, учебы потерпевшего), по общению с определенными лицами, по приближению к потерпевшему. В ответ на это Конституционный Суд РФ рассуждает в мотивировочной части от противного так: если исходить из того, что если в рамках ограничения свободы нельзя устанавливать такие запреты, значит, этот вид наказания не позволяет достичь (пресловутых и обоснованно раскритикованных¹⁸) целей наказания (в частности, предупреждения новых преступлений), а значит, следует избирать более строгое наказание (ст. 43, 60 УК РФ). Признавая несправедливость такой посылки, Конституционный Суд РФ приходит к выводу о том, что корректировка карательного потенциала имеющегося наказания (ограничения свободы) служит наилучшим интересам как обвиняемого (имея в виду гуманизацию уголовного наказания, не сводимого к изоляции от общества), так и потерпевшего¹⁹.

¹⁶ Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33—48.

¹⁷ Приговор Майкопского гарнизонного военного суда (Республика Адыгея (Адыгея)) от 18.10.2024 по делу № 1-116/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О целях наказания // Российский следователь. 2022. № 5. С. 46—50.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аналогично можно рассуждать и в случае индивидуализации наказания лицам, совершившим компьютеризированные преступления, исходя из того, что лишение их свободы позволит предупредить новые деяния. Между тем пресечение доступа в Интернет для совершения кражи, мошенничества или наркосбыта *de facto* не обеспечивает ни одно из применяемых сегодня уголовных наказаний²⁰, в связи с чем возложение более релевантных правоограничений позволило бы обеспечить справедливую кару, предупреждающую продолжение или возобновление преступной деятельности.

Примечательно, что в указанном решении высший орган конституционной юстиции не обсуждает случаи, когда осужденный может буквально «терроризировать» потерпевшего дистанционно, т.е. не говорит о возможностях ограничения свободы для предупреждения совершения преступлений, связанных с навязчивым преследованием, в том числе запрещенных ст. 119, 133, 135, 137, 138 УК РФ, хотя смоделировать их нетрудно. В целом же Конституционный Суд РФ поддерживает широту судебного усмотрения в формулировании и содержательном уточнении конкретных запретов при ограничении свободы (п. 7 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П).

Развивая логику указанного акта правосудия, заметим, что особое внимание уделяется тому, что соответствующие правоограничения имеют место в качестве мер пресечения, что, по мнению высшей инстанции, доказывает их эффективность, а потому обоснованность принципиального отвержения. Ограниченный подход преодолевает постклассическая теория уголовного права, в которой исследуется фактическая наказуемость, только частично пересекающаяся с официальным дискурсом, поскольку она представляет собой практическое измерение уголовного права, т.е. «приземляет» высокие абстракции к земным вопросам, что методологически объясняет И. Л. Честнов²¹.

Так, например, в материально-правовых нормах не предусмотрены такие процессуально-правовые запреты, как общение с определенными лицами, запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, хотя именно их применение позволило бы развить нормативно-функциональное единство уголовного процесса и права, пресечения и осуждения, что, например, имеет место в случае содержания под стражей как меры пресечения и лишения свободы как уголовного наказания. Это открывает вполне справедливые перспективы совершенствования карательной деятельности государства.

С одной стороны, трудно отрицать, что на изучение приведенных мер (в том числе запрета определенных действий) постулируется исключительность

в связи с жалобами граждан О. А. Балуковой и Ю. М. Чернигиной // СЗ РФ. 2024. № 7. Ст. 1032.

²⁰ Русскевич Е. А. Об уголовном наказании и цифровизации // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 464.

²¹ Честнов И. Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1 (19). С. 16 ; Его же. Юридическая наука в ожидании перемен // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 14.

уголовно-процессуальной научной и нормативной «юрисдикции». С другой стороны, такие правоограничения, основанные на принуждении и представляющие собой реакцию на нарушение уголовно-правового запрета, на наш взгляд, незаслуженно обделены уголовно-правовым вниманием. Известно, что предварительным наказанием являются как меры процессуального принуждения, так и сам факт уголовного преследования в отношении лица, т.е. приписывание (аскрипция по Г. Л. А. Харту) ему статуса подозреваемого или обвиняемого. Эти меры государственного принуждения сопровождаются значительным наказывающим эффектом. Любопытно, что еще французский мыслитель Ж. Делез при анализе «Алисы в стране чудес» писал о парадоксах перевернутого мира, одним из которых является «взаимообратимость причины и эффекта: *отбывать наказание до совершения преступления* (курсив наш. — В. Р.), плакать до того, как уколешься, исполнять работу до получения задания»²².

В нашем случае имеет место непоследовательность уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершающих преступления в сфере информационных технологий, в связи с чем нельзя не процитировать суждение профессора М. М. Бабаева и профессора Ю. Е. Пудовочкина, справедливо констатирующих понимание системы наказаний так: «Впрочем, изначальная заданность не означает незыблемости, неспособности уголовно-правовых институтов меняться. Но, чтобы перемены эти приносили результат, в котором заинтересованы общество и граждане, они должны быть своевременны, научно обоснованы и мотивированы объективными новационными потребностями социума»²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О целях наказания // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 46—50.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание и преступность // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2023. — № 3 (90). — С. 181—188.
3. Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. — 2021. — № 12. — С. 33—48.
4. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2020. — 52 с.
5. Русскевич Е. А. Об уголовном наказании и цифровизации // Уголовно-исполнительное право. — 2024. — № 3. — С. 457—468.

²² Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект, 2011. С. 10.

²³ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание и преступность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3 (90). С. 181—188.

6. *Честнов И. Л.* Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2024. — № 1 (19). — С. 13—16.
7. *Честнов И. Л.* Юридическая деятельность в постклассической перспективе // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 8. — С. 5—21.